

Ставка на Гергиева

Мария БАБАЛОВА

Титаническими усилиями нового менеджмента Московской филармонии на полтора дня в столицу удалось заманить Валерия Гергиева и дать старт необычайно звездному проекту, сулящему регулярность появления в Москве Мариинского театра во главе с самим Гергиевым.

Концерт в девять часов вечера для столицы, ныне все сильнее тяготеющей к ночному образу жизни, — это и романтично, и практично. Малер для полноты впечатления в исполнении Гергиева и его верного войска собралась послушать вся московская богема с легкой примесью политического истеблишмента. Такого аншлага зал на Маяковской не знал уже многие годы: люди свисали с балконов и сидели на ступеньках и, казалось, были готовы на все, чтобы услышать и увидеть Гергиева. Мазетро с первых же тактов Второй симфонии поглотил зал своей мощной энергетикой, которая и заменяла тонкость проработки деталей в исполнительской концепции, непластичность сводного хора, состоящего из мариинцев и рекрутов из Камерного хора Московской консерватории, а также скрывала бледность и техническую лимитированность солирующих голосов — меццо Златы Булычевой и сопрано Иры Гиглашвили. Единственные, кто никак не реагировал на происходящее, это владельцы мобильных, чьи маленькие друзья устроили настоящий звонильный штурм поперек мажореской партитуры. Но вопреки их стараниям, финал симфонии вышел впечатляюще катарсическим.

Но Малер со всей своей мощью оказался лишь прелюдией к представлению. Вечером следующего дня давали самую петербургскую оперу — «Пиковую даму» Чайковского в Semi-staged (полуконцертной) версии, сделанной режиссером Алексеем Степанюком и сценографом Владимиром Арефьевым. Режиссер явно задолжал авторские Юрию Темирканову, чью знаменитую постановку просто пересказал более скромными сценическими средствами и мыслями. Художник, напротив, построил очень интересное современное пространство минималистическими световыми приемами и тут же создал любопытную игру эпох благодаря персонажам, разодетым при этом в кринолины и нагрудные парики. Только зря он подпустил банальные по сути и блеклые по цвету

видеопроекции, которые лишь мелькали и отвлекали публику от музыки. Да и не к чему были все эти предметные подробности — фонарь, кровать, скамейка.

Долгожданной сенсацией этой «Пиковой дамы» должен был стать Герман — Владимир Галузин, которого Москва надеялась услышать в этой партии еще четыре года назад на сцене Большого театра, но болезнь, постигшая певца прямо в день выступления, разрушила эти планы. Галузин — это, бесспорно, тенор-премьер мирового масштаба, с голосом уникальной драматической силы. Его Герман — всегдашней лучшей оперных домов. Но, как оно случается при частом повторении, его герой стал схематичен, и он не совершает ничего непредсказуемого. К тому же часто в его пении не достает кантилены и хоть капельки лирических тонов. Хотя именно эта сублимация драматической энергии делает финальный выход Галузина-Германа незабываемым.

Очень хороша будет Лиза Ольги Гурьяковой. Но не сегодня, а года через три, а то и больше. Она не только хороша собой, но и подкупает редкой осмысленностью пения, удачно ведет лирическую часть своей партии, а вот на драматический финал вокальных сил пока не хватает, и она мгновенно оказывается на краю провала. Ирина Богачева в роли старой Графини кажется полноправной царицей уходящей вокальной породы советской эпохи. Но жаль, в ее образе нет ничего сакрального и загадочного, где нашлось бы место многим тайнам Петербурга. Грустно, но, похоже, совсем худо обстоят дела с баритонами. Оба — Виктор Черноморцев (Томский) и особенно Александр Гергалов (Елецкий), певший он оказался лицом к публике, партии свои проиграли, уж слишком много было вокальных промахов.

Но своей феноменальной энергетикой Валерий Гергиев, несмотря на то что причудливостью вновь образованного сценического пространства он оказался лицом к публике, а к солистам спиной, виртуозно привел всю эту пеструю команду к общему знаменателю вдохновенного сотворчества. И как всегда выходил победителем. До понедельника Валерий Гергиев отправился в Петербург, где после московских гастролей успел дать еще четыре выступления. А далее его снова ждет путешествие по всему миру.

Перед тем как уехать из Москвы, Валерий Гергиев нашел время высказаться по самым актуальным вопросам.

— Каково будет продолжение цикла «Мариинский театр в Московской филармонии»?

— Это наш первый крупный и серьезный проект — пробный шарик в сотрудничестве. Мы будем продвигаться активно, но осторожно. Никому в Москве не нужно, чтобы Мариинский театр старался как можно больше здесь выступать. И решение продиржировать симфонией Малера для меня было очень компромиссным. Я летел до Москвы почти сутки, а не спал, наверное, часов сорок. Это все не шутки. Ведь хочется давать качество. Мы, как правило, не даем плохого качества, но мы и прекрасно понимаем, что есть высший класс, а для этого нужно иметь репетиционные ресурсы. Мы исполняли почти все симфонии Малера. И уж Вторую мы можем хорошо исполнить. И на 300-летие Петербурга, действительно, был хороший концерт — солировали Ольга Бородина и Анна Нетребко. Думаю, и ныне было далеко не стыдно ни за нас, ни за филармонию. Мы приезжаем в Москву от души с чувством более высокоорганизованного самосознания, чем, например, ездим в Америку или Японию. Там мы очень часто выступаем, потому что организация дела в Московской филармонии до прихода Александра Чайковского и Алексея Шалашова была похуже, чем в Нью-

Йорке. Нью-Йорк сейчас очень напорох, почти агрессивно говорит с нами о 2007–2008 годах, стремясь побыстрее закрепить договоренности контрактами. Мы же сегодня рады с Москвой, не торопясь, вразвалочку, может быть, о декабре следующего года.

— У вас больше нет никаких отношений с фестивалем «Золотая маска»?

— Я никогда не буду вредить этому фестивалю, которому, как, мне казалось, я всегда, начиная с 1996 года, старался помогать. И если у нас и было желание поучаствовать в прошлом году в фестивале с «Кольцом нибелунга» — работой наднационального значения, которая считается успехом Мариинского театра, то «Золотая маска» сделала все для того, чтобы этот проект потерять. Есть определенные правила фестиваля, и есть определенные нравственные и артистические мои принци-

«Сегодня уважаемые мною артисты, выступающие в Нью-Йорке или Лондоне за приличные деньги, приезжают в Москву только в том случае, если им платят в пять раз больше»

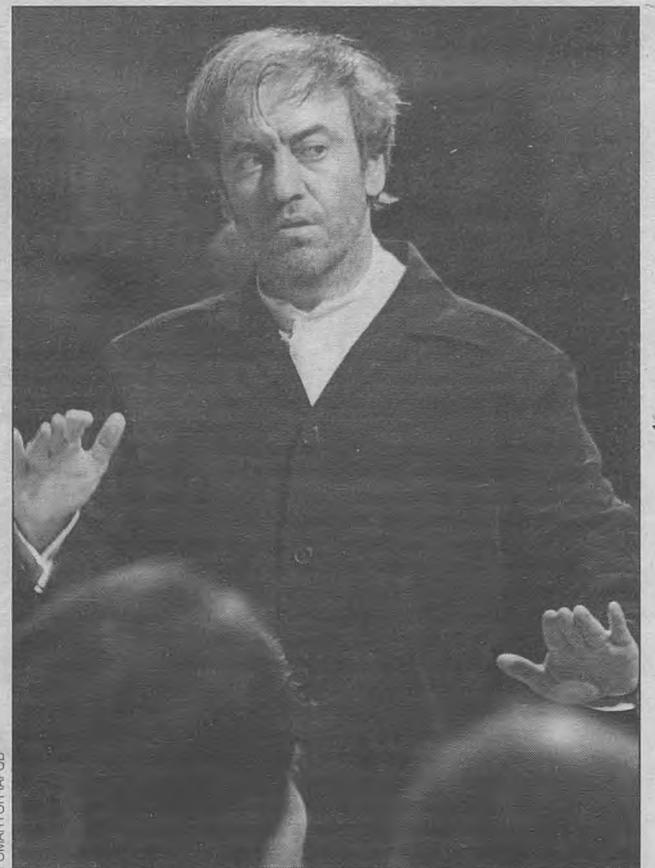
пы. Мы уже не в коротких штанишках, и нас за руку водить ни в Москву, ни в Нью-Йорк не надо. Я сам участвовал в «Золотой маске» больше уже не могу. Это старая история. Мне надо было с этим делом заканчивать еще в 1997 году. Две, три «Золотых маски» я выиграл, и мне надо было остановиться.

— Каковы планы Мариинского театра на нынешний сезон?

— Мы еще не все свои планы на сезон объявили, а некоторые из тех, что объявлены, возможно, будут перенесены на следующий сезон. Меня очень волнует, как будет развиваться история с постановкой «Тристана и Изольды». Я очень серьезно говорил с режиссером Дмитрием Черняковым. Это все-таки не «Китеж». «Тристана» надо ставить с учетом опыта мирового театра. Я думаю, у него есть хорошие шансы, но, мне кажется, пресса его чуть-чуть избаловала. На самом деле он еще не стал тем мастером оперной режиссуры, который стопроцентно не подведет театр — сдаст макет в срок. Но если Дима сделает то, чего он не сделает, он, как и я, будет работать месяц. А певцы уже работают полгода и будут еще работать. Он театр жутко подвел, когда делал «Жизнь за царя». В той ситуации любому было бы показано на дверь. И эта история не должна повториться.

— А каков дальнейший маршрут начатого вами концертного марафона в пользу детей Беслана?

— Уже прошли концерты в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Токио. Мы уже собрали довольно серьезные средства — около миллиона долларов. И я имею в виду только те деньги, что перечислены мною и Мариинским театром. Откликаются все наши друзья по всему миру. И подобные концерты пройдут в Вене, в Риме и, конечно же, в Москве и Петербурге. И я благодарен и Дмитрию Хворостовскому, и Пласидо Доминго, и Ольге Бородино — всем, кто откликнулся. Они меняли свои планы, приезжали из разных концов света и

РОМАН ГОЛЦАРОВ

выступали. Есть огромное чувство сострадания, симпатии, солидарности и желания помочь. Помогать год, пять, десять, тем маленьким деткам, что пережили эту чудовищную трагедию. Вести этих деток по жизни, создавая для них возможности, которых в Беслане они не найдут. Сейчас я чуть лучше, чем раньше, знаком с ситуацией. Я летал на Кавказ, встречался с 150 детьми. И у меня уже там есть маленькие друзья, с которыми мы обменялись телефонами. В человеческие отношения я верю гораздо больше, чем в отношения даже с самыми умными и высокопоставленными чиновниками.

— Как продвигается по кабинетам чиновников масштабный проект реконструкции Мариинского театра?

— Все проекты Мариинского театра к концу года должны быть максимально точно выстроены один за другим. Мы не можем закрывать театр на неопределенный срок. У подавляющего большинства наших певцов и танцовщиков сейчас лучшие годы. У нас нет уже очень преклонного возраста ветеранов, даже те, кому немало лет, очень хорошо поют. И я должен сделать все, чтобы это строительство было практически незамеченным для артистов и не погубило нашу молодежь. А есть такая угроза из-за невыясненных позиций театра и госчиновников. Сегодня задействованы и министерство, и агентство. Это все довольно усложнило общение.

Есть идея на месте сгоревших более года назад наших складов на улице Писарева построить новое временное здание. Этот проект будет в основном поддержан из внебюджетных средств. Так что я почти со стопроцентной уверенностью могу сказать, что скоро это здание будет восстановлено в еще более интересном амплуа. А для наших декорационных цехов мы уже приобрели другой объект на Киевской, куда мы перебросили и костюмы, и декорации спектаклей нашего текущего репертуара. И там уже сделано семь новых спектаклей.

Сегодня мы ставим для себя максимально дерзкую задачу: практически безостановочно из исторического здания Мариинского театра переехать в здание на Писарева. И затем уже совмещать нашу творческую деятельность в доме на Писарева с ожиданием возвращения в историческое здание в начале 2008 года. Что касается проекта второй сцены Мариинского театра, то работа идет. Мы встречались и очень напряженно в деталях поработали с

архитектором, со всей его командой.

— А как вы относитесь к предлагаемой театральной реформе?

— Я еще не очень в курсе разгорающейся битвы за будущее российского театра. Но, я не думаю, что Герман Греф — враг № 1 российского театра. Ведь не секрет, что не мало театральных площадей сдаются под рестораны и игровые заведения. Тут надо просто понять, кто в какие игры хочет играть. Если мы все хотим стать крупными бизнесменами, то в бизнес надо идти очень смело, а не под стыдливими масками мастеров искусств. Я совсем не намерен защищать ведомство Германа Грефа, но знаю, когда бы вопрос ни касался Мариинского театра, он всегда находил время для делового разговора, даже уже работая в Москве. Государство стало строить новые театры и концертные залы и новые отношения с деятелями культуры. И государство уже сделало очень крупный шаг — в виде президентских грантов лучшим театрам и оркестрам. И эта помощь фактически спасла два-три знаменитых оркестра. Но не скоро, что оркестрам досталось больше, чем театрам. И, например, Госоркестр сегодня получает много больше оркестра Мариинского театра, который должен жить под одной крышей с Бородиной, Нетребко и Лопаткиной. Это все дорогостоящие специалисты. Певцы Мариинского сегодня поют во всех крупнейших театрах мира. Это уже даже не экспансия, это уже захват. В каком-то сезоне на сцене нью-йоркской Metropolitan opera их было 35 человек, в каком-то «плохом» сезоне — их просто 15. И что очень важно, при этом их достаточно часто можно слышать в Петербурге.

Я не требую никаких пересмотров, но не могу не обратить внимание на то, что две тысячи человек, двести из которых имеют мировые имена, и сто пять человек оркестра — это не одно и то же. Когда распределяли средства, естественно, с нами не советовались. И, наверное, правильно. Наверное, боялись, что Валерий Абисалович опять оделяло на себя потянет. Когда я первый раз, еще в беседе с Черномырдиным, сказал о том, что и Большому, и Мариинскому театрам нужно по десять миллионов рублей в год, первые пять минут он думал, что меня надо отправить в госпиталь. Но ему хватило мужества сразу после нашего разговора, не ожидая первого января, удвоить (!) финансирование обоих театров. Цены на нефть сегодня растут, и, значит, в стране есть деньги.

ИТАР-ТАСС

Гергиев Валерий
29.11.04